

СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ ЛАЗАРЕВ

УДК 235.3

аспирант, Санкт-Петербургский
государственный университет, Институт истории
(Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, Россия, 199034)
lazarevsergey01@gmail.com

*АГИОГРАФИЯ КАК ЖАНР СРЕДНЕВЕКОВОГО ИСТОРИОПИСАНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЙ ЭДУАРДА ИСПОВЕДНИКА)*

Изучение агиографических источников является одним из наиболее перспективных направлений исторических исследований. В связи с этим снова актуализируются проблемы жанровых особенностей агиографических сочинений, подходов к их изучению и соотношению этих текстов с эпохой, в которой они были созданы. Более того, изучение агиографических источников помогает понять, как функционировало историческое сознание средневекового человека и создавалась нужная и полезная память о прошлом. В данной статье будут проанализированы сюжеты, в которых отражены события, послужившие причиной нормандского завоевания Англии, в зеркале агиографической литературы. Источниковой базой исследования послужили четыре главных жития Эдуарда Исповедника: анонимное «Житие короля Эдуарда, который покоится в Вестминстере», «Житие благословленного Эдуарда, короля Англии» Осберта из Клера, Житие святого Эдуарда, короля и исповедника» Элреда из Риво и «История святого Эдуарда» Матвея Парижского. В результате доказано, что агиографы Эдуарда Исповедника, хотя и следовали общей сюжетной линии, несколько по-разному подходили в оценках событий и исторических личностей, что было следствием трансформации политического климата средневековой Англии. Кроме того, было показано, что агиография как жанр средневекового историописания преследовала определенную цель: передача дидактических и моральных истин через события исторического прошлого.

Ключевые слова: Эдуард Исповедник, средневековое историописание, агиография, жития святых, средневековая Англия, нормандское завоевание

SERGEI SERGEEVICH LAZAREV

PhD student, Saint-Petersburg
State University, Institute of History
(5 Mendeleevskaya liniya, Saint-Petersburg, Russia, 199034)
lazarevsergey01@gmail.com

*HAGIOGRAPHY AS GENRE OF MEDIEVAL HISTORICAL WRITING
(BASING ON BIOGRAPHIES OF EDWARD THE CONFESSOR)*

Hagiography studies are the most promising areas of historical research. Therefore, problems regarding the genre features of hagiographic works, approaches to their study and the relationship of these texts with the era in which they were created are becoming relevant again. Moreover, the study of hagiographic works helps to understand how the historical consciousness of medieval people functioned and the necessary and valuable memory of the past was created. This article analyses plots reflecting the events of the Norman Conquest of England in the mirror of hagiographic literature. The source base for the study was the four main lives of Edward the Confessor: the anonymous «Vita Ædwardi regis qui apud Westmonasterium requiescit», «Vita beati Eadwardi regis Anglorum» by Osbert of Clare, «Vita sancti Edwardi regis et confessoris» by Aelred of Rievaulx and «La Estoire de seint Aedward le rei» by Matthew Paris. As a result, it is proved that the hagiographers of Edward the Confessor, although they followed the general storyline, had different approaches to assessing events and historical figures. It was a consequence of the transformation of the political climate of medieval England. In addition, it was shown that hagiography as a genre of medieval historical writing pursued a specific goal: the transmission of didactic and moral truths through the events of the historical past.

Key words: Edward the Confessor, medieval historical writing, hagiography, lives of saints, medieval England, the Norman Conquest

По прошествии долгого времени подходы и методы к изучению агиографических сочинений сильно изменились¹. Существенным изменением стала относительно недавняя рефлексия об агиографии как о жанре средневекового историописания. Несомненно, жанр, допускающий чудеса и основанный на категориях трансцендентности, существенно отличается от идей историзма, выдвинутых гуманистами и получивших дальнейшее развитие в эпистемологии эпохи Просвещения, и резко отличается от современных академических исторических нарративов². Но противопоставление средневекового историописания и агиографии, определяемых друг против друга как средства передачи объективных и священных истин, может быть преувеличено: агиографы часто проявляют озабоченность точностью историй, которые они рассказывают, иногда они выражают скептицизм по поводу чудес, а иногда прилагают усилия для определения их источников и подтверждения фактов. Например, Бенедикт из Питерборо, работая над сборником чудес Томаса Бекета, постоянно пишет о своих критериях отбора и проверки свидетельств, показывая, что они верны и не вызывают сомнения. Он часто комментировал, почему следует доверять той или иной истории, изображая себя в поисках доказательств, допрашивающим людей, отправляющим и получающим письма, а также отправляющимся за пределы Кентербери, чтобы исследовать сведения о чудесах³.

В дискуссиях о жанровых границах средневековых источников, которые велись на протяжении долгого времени, акцентировалось внимание на том, может ли агиография быть такой же фактологичной и научной как историописание. При этом исследователи долго игнорировали тот факт, что историописание, по крайней мере в IX–XI вв., было в такой же степени риторической формой искусства, как и агиография⁴. И даже в позднее

¹ Историографический очерк о подходах в изучении средневековых агиографических источников см.: Бикеева Н. Ю. Средневековые жития святых между историей и историографией // Диалоги со временем. М., 2018. № 65.

² Sanok C. *Hagiography // Medieval Historical Writing: Britain and Ireland, 500–1500* / Ed. by J. Jahner, E. Steiner, E. M. Tyler. Cambridge, 2019. P. 420.

³ Koopmans R. *Wonderful to relate. Miracle Stories and Miracle Collecting in High Medieval England*. Philadelphia; Oxford, 2011. P. 160.

⁴ Lifshitz F. *Beyond Positivism and Genre: «Hagiographical» Texts as His-*

Средневековье, когда некоторые писатели осуществляли различие между агиографией и историописанием, они были способны в то же время скрещивать их поразительным способом⁵.

Но когда начинается отделение агиографии от историописания? Исследовательница Ф. Лифшиц находит истоки этого разделения в XII в., связывая с процессами трансформации потестарных структур, а следовательно, и эпистемологической переориентацией схоластики. По ее мнению, именно в это время монархи выдвигают светскую концепцию природы королевской власти, изложенную в иной риторике, которая была основана на рационалистической основе, что исключало в своем повествовании категории «чудесного»⁶. Андре Воше связывает отделение агиографии от историописания с изменениями в концепции святости и в способах почитания святых на латинском Западе. Во-первых, после 1150 г. при создании культов святых отдавалось предпочтение тем, кто умер недавно. Это заставило агиографов сосредоточиться в своих нарративах на настоящем или на недавнем прошлом⁷. Во-вторых, следует учитывать влияние, которое оказали процедуры канонизации, разработанные папской курией⁸. Необходимо отметить, что в последующем канонизация святых станет исключительным правом понтификов⁹. Изменившиеся требования к канонизации способствовали тому, что необходимо было предоставить определенный набор свидетельств. Таким образом, агиографические сочинения становятся частью канонизационного досье, которые по содержанию являются в большей степени «журналистскими», чем «историографическими», чтобы пройти проверку папской комиссии.

torical Narrative // Viator. 1994. Vol. 25. P. 100; Ray R. *The triumph of Greco-Roman rhetorical assumptions in pre-Carolingian historiography // The Inheritance of Historiography, 350–900* / Ed. by C. Holdsworth, T. P. Wiseman. Exeter, 1986.

⁵ Sanok C. *Hagiography*. P. 434.

⁶ Lifshitz F. *Beyond Positivism...* P. 105.

⁷ Vauchez A. *La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques*. Rome, 1988. P. 122.

⁸ Deloos P. *Sociologie et canonisations*. Liège: Faculté de droit, 1969. P. 44–97.

⁹ Яцък С. А. *Формирование исключительного права понтификов на канонизацию (993–1234) // Средние века*. М., 2016. Т. 77. № 1–2.

В данной статье наше внимание будет сосредоточено на анализе механизма реконструирования исторического прошлого Англии в четырех основных житиях Эдуарда Исповедника. Отметим, что интерес средневековых агиографов к англосаксонским святым был связан с нормандским завоеванием Англии. Оно подтолкнуло к созданию текстов, в которых святые покровители религиозных домов были представлены новой аудитории нормандских прелатов и монахов. М. Лапидж и Р. К. Лав объясняют это явление шквалом строительных работ в этот период, в ходе которых вскрывались и перемещались гробницы, что неизбежно вызывало любопытство к телам святых¹⁰. По мнению А. Грансден, любопытство к святым-покровителям часто перерастало в более широкий интерес к локальной или институциональной истории. Например, «Чудеса святого Эдмунда», составленные Германом Архидиаконом, являются ранним источником по истории Бери-Сент-Эдмундса, а в «Анналы Сент-Неотса» он, наоборот, включил, агиографический материал об Эдмунде¹¹. Подобным образом поступали английские и нормандские историки, начиная с Уильяма Мальмсберийского, писавшие об Эдуарде Исповеднике, которые включали в свои работы часть агиографических материалов.

Первое житие Эдуарда Исповедника было написано анонимным автором¹²; оно состоит из двух условных частей. Первая имеет четкую историческую направленность, повествуя больше о династии Годвинсонов, нежели об Эдуарде Исповеднике, а вторая часть подчеркивает благочестие и святость короля. После того как этот текст был составлен, по прошествии нескольких десятилетий началась кампания по кано-

¹⁰ Lapidge M., Love R. C. The Latin Hagiography of England and Wales (600–1550) // Hagiographies: histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire, en Occident, des origines à 1500. Vol. 3 / Ed. by G. Philippart. Turnhout, 2001. P. 224–225.

¹¹ Gransden A. Historical Writing in England. Vol. I. P. 550–1307. Ithaca, 1974. P. 380.

¹² Споры о датировке и авторстве первого жития Эдуарда исповедника ведутся по сей день. Более подробно см.: Лазарев С. С. Первое житие Эдуарда Исповедника: текст и контекст // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Матер. XLII Всерос. научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбаговские чтения» (8–10 ноября 2022 г.). СПб., 2023.

низации Эдуарда Исповедника, что стало катализатором для написания нового жития, которым занялся Осберт из Клера, завершив его в 1138 г. В то время усилия по канонизации были тщетными, и король Эдуард не был канонизирован до февраля 1161 г. Король Генрих II Плантагенет был одним из тех главных акторов, который смог добиться канонизации своего святого предка. Обратившись в римскую курию, чтобы поддержать свою преданность Эдуарду, Генрих II также показал свое благоволение перед Апостольским престолом, чтобы ослабить напряженность между собой и Томасом Бекетом в вопросе о юрисдикционных границах королевских и церковных судов. По случаю канонизации и церемонии переноса мощей Эдуарда Исповедника Элредом из Риво было написано еще одно житие, в котором был сконструирован канонический образ святого Эдуарда. С течением времени латинские произведения XII в. об Эдуарде Исповеднике уступили место житиям на vernacularных языках. Среди них самое известное сочинение — это «История святого короля Эдуарда», которое приписывается Матвеем Парижскому.

Многочисленные версии житий Эдуарда Исповедника дают возможность исследовать историческое сознание в Средние века: как понимали современники цель написания истории, а также взаимосвязь между историей и вымыслом — между тем, что произошло, и тем, что, по мнению этих писателей, читатели должны были узнать или вспомнить. Правление Эдуарда Исповедника в руках агиографов и других писателей стало ключевым идеологическим моментом в английской истории. Возвеличение и признание Эдуарда Исповедника образцом королевского правления и святости было триумфом исторического реконструирования, основанного в том числе на воображении, и письма. Как исторически сконструированная фигура, Эдуард Исповедник утвердил особый взгляд на историю и дал средневековым авторам возможность использовать его, чтобы подчеркнуть моральные или исторические истины, которые авторы хотели дать своим читателям.

Сравнение основных житий Эдуарда Исповедника показывает, что была определенная традиция в описании его

биографии: его изгнание мальчиком в Нормандию и попытка спастись от датских захватчиков; неудавшийся набег в 1036 г. в Англию, когда был убит его младший брат Альфред; возвращение в 1042 г. для коронации, заявления о его мирном правлении; брак с Эдит; поддержка нормандцев; ссора с представителями династии Годвинсонов и его смерть в январе 1066 г. после освящения аббатства, которое он восстановил в Вестминстере. Агиографы привнесли в биографию короля также сведения о его видениях и чудесах. Тем не менее, насколько точным не было бы следование этой традиции, авторы модифицировали определенные элементы как в соответствии со своими дидактическими целями, так и в соответствии с изменяющимися условиями политического климата Англии.

Одной из таких трансформаций, которая явно демонстрирует, как средневековые авторы конструировали историческое прошлое, является отношение агиографов Эдуарда Исповедника к династии Годвинсонов. В условиях политической нестабильности Годвин пришел к власти благодаря своей службе королю Кнуду Великому¹³. Его политическое господство при правлении Эдуарда Исповедника пронизывает первое житие, в котором восхваляется весь род Годвинсонов, особенно Эдит, дочь эрла Годвина. Как и многие средневековые биографии, первое житие, по мнению Э. Хенингем, подражало трудам Светония и Саллюстия¹⁴. Годвин предстает как идеальный правитель, награждая его разнообразными добродетелями: мудрость, верность, трудолюбие и пр.¹⁵ В тех же терминах описываются Гарольд и Тостиг, сыновья Годвина. Так, Гарольда, которого автор сравнивает с Иудой Маккавеем, в тексте первого жития представлен терпеливым, милосердным, но суровым и справедливым к злодеям. Тостига автор награждает такими добродетелями, как смелость, мудрость и щедрость. Далее автор заключает, что «ни одна эпоха и ни одна земля не воспитали

¹³ Keynes S. Cnut's earls // *The Reign of Cnut: king of England, Denmark, and Norway* / Ed. by A. R. Rumble. London, 1994. P. 70–74.

¹⁴ Heningham E. K. *The Genuineness of the Vita Æduardi Regis* // *Speculum*. 1946. Vol. 21. N 4. P. 434.

¹⁵ London. British Library, Harley MS 526. Fol. 38v.

одновременно двух смертных такого достоинства»¹⁶. Но только Эдит анонимный автор первого жития видел равной Эдуарду Исповеднику: «...другая его часть, такая же честная, мудрая, умная, словно проворный советник. Равных им не найти во всем мире... один человек, обитающий в двойном облике»¹⁷.

Но уже в первом житии чувствуется эхо будущих политических потрясений Англии, и автор начинает менять образ сыновей Годвина. Если сначала они предстают перед читателями защитниками королевства, то позже мы видим, как политические амбиции берут верх над ними. Первое столкновение Тостига и Гарольда произошло из-за восстания в Йоркшире 1065 г. Мятельники убили советников Тостига и хотели передать титул правителя Нортумбрии эрлу Моркару. Многие люди считали, что организатором этого восстания, согласно тексту первого жития, был Гарольд. Но автор сразу же сообщает читателю, что он в этом сомневается и не смеет думать об этом. Более того, он дополняет свои суждения тем, что Гарольд клятвой снял все обвинения с себя в организации этого восстания¹⁸. Далее автор с большим сожалением пишет о битве при Стамфорд-Бридже, в которой погиб Тостиг. Примечательно, что автор при описании братоубийства не стремится показать Гарольда или Тостига злодеем, хотя и не оправдывает их поведение. Для него это болезненное и роковое событие, которое погрузило Англию в хаос¹⁹.

В последующих житиях Эдуарда Исповедника практически невозможно найти похвалы Годвину и его сыновьям, так как это было несовместимо с новыми политическими реалиями после нормандского завоевания Англии. С этого момента нормандские писатели стали яростно очернять Годвинсонов, особенно Гарольда, которого считали тираном и антиподом короля Вильгельма Завоевателя. Гийом из Пуатье описывает Годвина хитрым человеком, способным на гнусное коварство

¹⁶ London. British Library, Harley MS 526. Fol. 46r («nulla etas, nulla regio, eius pretii duos mortales eodem educavit tempore»).

¹⁷ Ibid. Fol. 46r («...altera pars hominis, species eadem probitatis, altius ingenium, conciliumque citum. Convenit nusquam terrarum par sibi quicquam: corpore nam gemino unus habentur homo»).

¹⁸ Ibid. Fol. 50r–51v.

¹⁹ Ibid. Fol. 52v–53v.

и предательство, «чье имя даже после его смерти позорно и ненавистно»²⁰, а Гарольд показан жестоким убийцей и клятвopепреступником²¹. В «Деяниях герцогов Нормандии» Годвин и его сыновья получили такие же крайне негативные оценки²². Англо-нормандские писатели, жившие на завоеванной территории, были настроены более двойственно. Они стремились приспособить факты жизни Эдуарда Исповедника, изложенные в англосаксонских источниках, к новым канонам истины²³. По такому пути пошли и агиографы Эдуарда Исповедника. Они в своих агиографических сочинениях не только попытались отобразить канонический образ святого Эдуарда Исповедника, но и уменьшили значение Годвина и его сыновей как политических акторов. Более того, Элред из Риво использует образы Годвина и его сыновей как противопоставление святости Эдуарда Исповедника. Особенно ярко это обнаруживается в отрывке, в котором описана драка между Гарольдом и Тостигом во время королевского пира. Для усиления этого момента Элред прибегает к использованию прямой речи. Наиболее важное значение этого пассажа заключается в том, что Эдуард Исповедник в этой драке предвидел будущую войну между братьями и их гибель, что, с одной стороны, подчеркивает пророческие способности короля Эдуарда, а с другой, наделяет образы сыновей Годвина отрицательными качествами²⁴. Интересно, что в первом житии и в версии Осберта из Клера этого пассажа нет, но он встречается в сочинении Матвея Парижского как в текстуальном, так и визуальном про-

²⁰ William of Poitiers. *The gesta Guillelmi* / Ed. and transl. by R. H. C. Davis, M. Chibball. Oxford, 1998. P. 4 («cuius mortui nomen infame superest atque odiosum»).

²¹ Ibid. P. 114–115.

²² The *Gesta Normannorum ducum* of William of Jumièges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni. Vol. 2. Books V–VIII / Ed. and transl. by E. M. C. van Houts. Oxford, 1995. P. 106–109.

²³ Waugh S. *The Lives of Edward the Confessor and the Meaning of History in the Middle Ages* // *The Medieval Chronicle III: Proceedings of the 3rd International Conference on the Medieval Chronicle Doorn/Utrecht 12–17 July 2002* / Ed. by E. Kooper. Amsterdam; New York, 2004. P. 205.

²⁴ Cambridge, Corpus Christi College, MS 161. Fol. 125v–126r; London, British Library, Cotton MS Vespasian B XI. Fol. 97r–97v; London, British Library, Stowe MS 104. Fol. 135r–135v.

странстве рукописи²⁵. Вероятнее всего, этот сюжет Элред из Риво заимствовал из труда Генриха Хантингдонского «История англов», который был написан раньше, чем сочинение Элреда. Различия в описании этой драки заключаются в том, что Элред показывает их детьми, а Генрих Хантингдонский, наоборот, взрослыми²⁶, хотя оба автора не забывают подчеркнуть пророческие способности Эдуарда Исповедника.

Особую негативную оценку в житиях Эдуарда Исповедника получил Гарольд. Например, в труде Осберта из Клера описывает видение аббата Рэмси, которому явился Эдуард Исповедник. Король просил аббата передать Гарольду, что он сможет атаковать захватчиков и одержать победу над ними. Аббат последовал этому завету, и Гарольд, узнав об этом, одержал победу, но через несколько дней был убит нормандцами, так как он ложно поклялся в верности Вильгельму. Осберт вывел из этого следующую моральную связь: «Когда он [Гарольд] не без оснований боролся за свободу Англии, то победа была на его стороне, но, когда он отклонился от Божьей справедливости из-за своей ошибки, то был справедливо уничтожен»²⁷.

В «Истории короля святого Эдуарда» Матвея Парижского Гарольд также показан тираном. После того, как Гарольд нарушил свою клятву и незаконно сделал себя королем, он действовал по своему собственному усмотрению, пренебрег советами мудрецов и разграбил Англию²⁸. Матвей Парижский сконструировал личность Гарольда как набор характеристик прямо противоположных добродетелям Эдуарда Исповедника. Если Гарольд изображен жадным и жестоким, то Эдуард, наоборот, охарактеризован щедрым и милостивым правителем²⁹. Таким образом, «История святого короля Эдуарда» умело развивает контраст

²⁵ Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 24v.

²⁶ Генрих Хантингдонский. *История англов* / Пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиогр. и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015. С. 281–282.

²⁷ Bloch M. *La vie die S. Édouard le Confesseur par Osbert de Clare* // *Analecta Bollandiana*. 1923. Vol. XLI. P. 115 («In eo enim ei successit uictoria ubi pro patrie libertate non iniuste pugnabit; et cum devio errore exorbitaret a iusticia, iuste peremptus rex injustus occubuit»).

²⁸ Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 31r–32r.

²⁹ Ibid. Fol. 32r («Plus prise aver u marchandie»), 33v («Armes e chivalerie / Del tut despit e ublie»).

между образами Эдуарда Исповедника и Гарольда, который не был явно представлен в латинских житиях XII в. Благодаря такому подходу Матвеем Парижскому удастся наилучшим образом представить идеи о добром правлении и тирании. В рамках своего длинного обвинения Матвей Парижский упрекает Гарольда за его невежество в истории, говоря, что он «не заглядывает и не слушает истории и ни единого слова о древних деяниях»³⁰. Изображение Гарольда Матвеем Парижским является хорошим примером того, как средневековые писатели понимали свою работу: формулирование и соблюдение истин в целях морального назидания.

Но есть важная деталь в описании личности Гарольда в «Истории святого короля Эдуарда». Матвей Парижский демонстрирует сложный и более драматически проработанный образ Гарольда, хотя средневековые авторы имели тенденцию к односторонней демонстрации добродетелей и пороков или моделей поведения³¹. В сочинении Матвея Парижского Гарольд сначала показан прекрасным, щедрым и смелым человеком, а также непревзойденным рыцарем³². Однако Гарольд был не тем, кем казался. Его истинный характер и греховность были скрыты, пока из-за его упрямства не произошло настоящее падение. Наиболее полно греховную природу Гарольда Матвей Парижский дает в пассаже о битве при Стамфорд-Бридж, когда его схватили приступы подагры, о которых Гарольд никому не говорил. Не зная, что делать, он молился Эдуарду Исповеднику о помощи, обещая изменить свой образ жизни. Далее Матвей Парижский описывает видение аббата Рэмси, согласно которому Гарольд исцелился и одержал верх в этой битве. Следуя работам предыдущих агиографов Эдуарда Исповедника, Матвей Парижский пишет о том, что Гарольду не удалось сдержать клятву преданности герцогу Вильгельму: «Святой Эдуард часто упрекал его во снах и видениях,

³⁰ Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 33v («Des hestiores n'enquert, n'en ot, / Ne d'anciene geste un mot»).

³¹ Spiegel G. M. *The Past as Text: The Theory and Practice of Medieval Historiography*. Baltimore, 1997. P. 90–91.

³² Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 30v («Chevaler merveilus ki fu / De hardement, force e vertu»), 31v («Chevaler bon e fers en guerre, / Du cors enters seinz e gariz»).

но Гарольд просто смеялся над ним. Он хотел золота и белого серебра больше, чем пиявка жаждет крови. Он больше напоминал торговца или ростовщика, чем короля, поскольку ценил имущество и товары больше, чем оружие и рыцарство. Он совершил грехи и злодеяния. Тем не менее, клятвопреступник не может победить. Об этом услышал герцог Вильгельм. На сердце у него было тяжело. Он не переставал предупреждать Гарольда через гонцов и письма, что тот должен действовать в соответствии со своей клятвой, как подобает верно подданному правителю, но король не обращал на это внимания и даже сильно пристыдил гонцов. Он сказал, что у него нет необходимости соблюдать клятву, данную под давлением»³³. Но попытки переубедить Гарольда были тщетны, и Англия погрузилась в тиранию, что стало следствием истинной греховной природы Гарольда в глазах Матвея Парижского.

Хотя история Гарольда в «Истории святого короля Эдуарда» более тонкая, чем в других житиях Эдуарда Исповедника, она не достигает современной трагедии, поскольку в ней отсутствует внутренний конфликт. Матвей Парижский считал, что люди могут исправить себя, однако с Гарольдом повествование строится иначе. Гарольд поступал так, словно у него не было выбора. Его поступки были предопределены греховной сущностью. Другими словами, существует противоречие между провозглашенной целью работы — предложить руководство о том, как себя вести, и способом, которым задумано описание Гарольда. Благородство Гарольда, которое упоминал Матвей Парижский, и мольбы Эдуарда не смогли спасти его душу: «он совершил такой великий грех и зло, такую великую западню, что не сможет уберечь себя от гибели»³⁴.

³³ Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 32r («Mut l'enchastie Seint Aedward / Par sunge e par avisun, / Mais ne fait se gaber nun. / Plus cuveit or e argent blanc / Ke ne fait sansue sanc. / Marchant semble u usurer / Plus ke prince u chivaler. / Plus prise aver u marchandie / K'armes e chivalerie. / Co fist pecché e encumbrier. / Ne puet parjure fusuner. Ducs Willames ben l'ot dire. / Au quer en a grant [desire] / Nel fine de amonester, / Par lettres e par messenger, / Ke il sulum sun serement / Feist k'a leal prince apent. / Mais cist de tut ço ne tint cunte, / Einz fist a messagers grant hunte. / Dist k'a parfurnir n'apent / Ki est a force fait serment»).

³⁴ Ibid. Fol. Fol. 33v («Mais pecché e malicun / Si grant fes a, si grant lascun, / Ke ne pout prendre foisum / K'il n'alast a perdiciun»).

Еще одной интересной деталью является подход Матвея Парижского к работе над своим трудом. Агиограф признавал, что всё, что он перевел в своей работе, было написано на латыни, и неоднократно ссылался на «Житие святого Эдуарда, короля и исповедника» Элреда из Риво как на свой надежный источник, который он называет «историей»³⁵, поскольку латинские труды в то время признавались более авторитетными, чем труды на vernacularных языках. Отметим, что Матвей Парижский подчеркнул, что его работа была производной, но она была верна оригиналу³⁶. Однако несмотря на скрупулезную работу над переводом, Матвей Парижский осознавал, что точность не означает строгое следование оригинальному тексту, и поэтому в своем сочинении он отклонился от версии Элреда, так же как Элред отклонился от версии Осберта³⁷.

Кроме того, подход Матвея Парижского к работе над своими трудами наилучшим образом раскрывает то, как средневековые авторы заботились об истории и памяти. Будучи историком в Сент-Олбансе, он имел доступ ко многим работам, которые легли в основу «Истории святого короля Эдуарда», и, более того, при создании своих собственных исторических сочинений он опирался на идеи Роджера Вендоверского. «История святого короля Эдуарда» насыщена ссылками, в которых указывалось на сохранение памяти, чтобы освежить или оживить память об Эдуарде Исповеднике для Элеоноры Прованской и Генриха III³⁸. Современники Матвея Парижского понимали, что человеческая память ошибочна и нуждается в помощи письменного слова. Кроме того, одной из функций средневекового историописания было составление нарратива путем отбора материала из более ранних текстов для сохранения в памяти достойных идеалов³⁹.

³⁵ Waugh S. The Lives of Edward the Confessor... P. 204.

³⁶ Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 25v («La estoire ki est escrite, / E cum est lue en latin / De chef lur dit gesk'a la fin»).

³⁷ Waugh S. The Lives of Edward the Confessor... P. 204.

³⁸ Cambridge. University Library, MS Ee.3.59. Fol. 3r («Pur refreschir sa memoire, / Dunt treis a guarant le livre»).

³⁹ Coleman J. Ancient and medieval memories: studies in the reconstruction of the past. Cambridge, 1995. P. 299–300; Coleman J. Late Scholastic Memoria et Reminiscentia // Its Uses and Abuses. Intellectuals and Writers in Fourteenth

Следует помнить не только особенности событий прошлого, но и понимать смысл, который хотели передать средневековые авторы. Агиографов Эдуарда Исповедника интересовали не исторические подробности его жизни, а их моральные последствия, которые можно извлечь из повествования разными способами. Средневековые авторы в разной мере корректировали свои нарративы в соответствии с идеологическими или иными императивами⁴⁰. Хороший средневековый историк мог вполне приукрасить события, чтобы сделать сведения о прошлом более убедительными и запоминающимся, и такие мыслители, как Джон Солсберийский, считали творческое воображение законным инструментом исторического дискурса⁴¹. Поэтому образ Эдуарда Исповедника от анонимного жития до «Истории святого короля Эдуарда» Матвея Парижского, который основан на одном и том же наборе исторических данных, по-разному конструируется.

Таким образом, с одной стороны, агиографию можно рассматривать как повествовательную форму христианского богословия, экклезиологии, благочестия или морали, в которой святой представляет пример важного, возможно, абстрактного элемента христианской догмы, как например, святой Франциск Ассизский олицетворяет богословие телесной жертвы, а Томас Бекет — независимость Церкви от светской юрисдикции. Но, с другой стороны, агиографические сочинения могут предоставлять знания прошлого, чтобы познать и осмыслить настоящее. Именно как форма производства знаний о прошлом агиография является разновидностью средневекового историописания, что наилучшим образом демонстрируют жития Эдуарда Исповедника. На примере событий, которые привели к нормандскому завоеванию Англии, агиографы Эдуарда Исповедника показывают разные оценки в зависимости от политического климата. Если в первом житии анонимный автор только сетует, что произошло

Century Europe: The J. A. W. Bennett Memorial Lectures, Perugia 1984 / Ed. by P. Boitani, A. Torti. London, 1986. P. 36–37.

⁴⁰ Waugh S. The Lives of Edward the Confessor... P. 210.

⁴¹ Brooke C. John of Salisbury and his world // Studies in Church History Subsidia. 1984. Vol. 3. P. 12–23.

с Англией и не стремится очернить династию Годвинсонов, так как это было связано с тем, что заказчицей этого труда была королева Эдит, то в последующих житиях Годвинсоны показаны в негативном ключе, особенно Гарольд, который стал символом узурпации власти и тирании. Такая трансформация была вызвана установлением нормандско-анжуйского режима в Англии, который требовал разнообразных инструментов для легитимации королевской власти после нормандского завоевания Англии. Другая важная деталь в житиях Эдуарда Исповедника заключается в том, как авторы видели свою цель при составлении своих трудов. Для них было важно передать дидактические и моральные наставления через исторические личности прошлого, что объединяло агиографию и историописание в Средние века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бикеева Н. Ю. Средневековые жития святых между историей и историографией // Диалоги со временем. М., 2018. № 65. С. 73–82. [Bikeeva N. Ju. Srednevekovye zhitija svjatyh mezhdu istoriej i istoriografiej [Medieval lives of saints: between history and hagiography] // Dialogi so vremenem. Moscow, 2018. N 65. S. 73–82].
2. Генрих Хантингдонский. История англов / Пер. с лат., вступ. ст., примеч., библиогр. и указатели С. Г. Мереминского. М., 2015. [Henry of Huntingdon. Historia Anglorum / Per. s lat., vstup. st., primech., bibliogr. i ukazateli S. G. Mereminskogo. Moscow, 2015].
3. Лазарев С. С. Первое житие Эдуарда Исповедника: текст и контекст // Проблемы истории и культуры средневекового общества: Матер. XLII Всерос. научн. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Курбатовские чтения» (8–10 ноября 2022 г.). СПб., 2023. С. 90–98. [Lazarev S. S. Pervoe zhitie Jeduarda Ispovednika: tekst i kontekst [The first life of Edward the Confessor: text and context] // Problemy istorii i kul'tury srednevekovogo obshhestva: Mater. XLII Vseros. nauchn. konf. studentov, aspirantov i molodyh uchenyh «Kurbatovskie chtenija» (8–10 nojabrja 2022 g.). Saint-Petersburg, 2023. S. 90–98].
4. Яцык С. А. Формирование исключительного права понтификов на канонизацию (993–1234) // Средние века. М., 2016. Т. 77. № 1–2. С. 89–118. [Yatsyk S. A. Formirovanie isključitel'nogo prava pontifikov na kanonizatsiyu (993–1234) [Formation of exclusive papal rights on canonization (993–1234)] // Srednie veka. Moscow, 2016. T. 77. № 1–2. S. 89–118].
5. Bloch M. La vie die S. Édouard le Confesseur par Osbert de Clare // Analecta Bollandiana. 1923. Vol. XLI. P. 5–131.

6. Brooke C. John of Salisbury and his world // Studies in Church History Subsidia. 1984. Vol. 3. P. 1–20.
7. Coleman J. Ancient and medieval memories: studies in the reconstruction of the past. Cambridge, 1995.
8. Coleman J. Late Scholastic Memoria et Reminiscentia // Its Uses and Abuses. Intellectuals and Writers in Fourteenth Century Europe: The J. A. W. Bennett Memorial Lectures, Perugia 1984 / Ed. by P. Boitani, A. Torti. London, 1986. P. 22–44.
9. Deloos P. Sociologie et canonisations. Liège, 1969. 515 p.
10. The Gesta Normannorum ducum of William of Jumièges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni. Vol. 2. Books V–VIII / Ed. and transl. by E. M. C. van Houts. Oxford, 1995.
11. Gransden A. Historical Writing in England. Vol. I. P. 550–1307. Ithaca, 1974.
12. Heningham E. K. The Genuineness of the Vita Æduardi Regis // Speculum. 1946. Vol. 21. N 4. P. 419–456.
13. Keynes S. Cnut's earls // The Reign of Cnut: king of England, Denmark, and Norway / Ed. by A. R. Rumble. London, 1994. P. 43–88.
14. Koopmans R. Wonderful to relate. Miracle Stories and Miracle Collecting in High Medieval England. Philadelphia; Oxford, 2011.
15. Lapidge M., Love R. C. The Latin Hagiography of England and Wales (600–1550) // Hagiographies: histoire internationale de la littérature hagiographique latine et vernaculaire, en Occident, des origines à 1500. Vol. 3 / Ed. by G. Philippart. Turnhout, 2001. P. 203–326.
16. Lifshitz F. Beyond Positivism and Genre: «Hagiographical» Texts as Historical Narrative // Viator. 1994. Vol. 25. P. 95–113.
17. Ray R. The Triumph of Greco-Roman Rhetorical Assumptions in pre-Carolingian Historiography // The Inheritance of Historiography, 350–900 / Ed. by C. Holdsworth, T. P. Wiseman. Exeter, 1986. P. 67–84.
18. Sanok C. Hagiography // Medieval Historical Writing: Britain and Ireland, 500–1500 / Ed. by J. Jahner, E. Steiner, E. M. Tyler. Cambridge, 2019. P. 420–436.
19. Spiegel G. M. The Past as Text: The Theory and Practice of Medieval Historiography. Baltimore, 1997.
20. Vauchez A. La sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age d'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Rome, 1988.
21. Waugh S. The Lives of Edward the Confessor and the Meaning of History in the Middle Ages // The Medieval Chronicle III: Proceedings of the 3rd International Conference on the Medieval Chronicle Doorn/Utrecht 12–17 July 2002 / Ed. by E. Kooper. Amsterdam; New York, 2004. P. 200–218.
22. William of Poitiers. The gesta Guillelmi / Ed. and transl. by R. H. C. Davis, M. Chinball. Oxford, 1998.